

12+

Николай Липницкий

Как рождаются легенды, или Байки
из института времени

Николай Иванович Липницкий
Как рождаются легенды, или
Байки из института времени

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40696004
SelfPub; 2021*

Аннотация

Немного хулиганская книга, в которой я предложил необычную версию возникновения некоторых легенд, сказок и былин.

Содержание

Пролог	5
Невероятные приключения барона Генриха фон Ламарка, благородного рыцаря и верного влюблённого в прекрасную Агнесс	7
Сказка об Иване-царевиче и сером волке	33
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Липницкий
Как рождаются
легенды, или Байки
из института времени

Для оформления обложки использовалась иллюстрация с сайта Pixabay: <https://pixabay.com>

Пролог

Новый, две тысячи двести двадцать седьмой год меня пригласили отметить в ресторанчике при институте времени. Заведение достаточно модное и попасть туда, обычно, очень трудно. А тут шанс такой. Естественно, что я согласился с превеликим удовольствием. Витька, мой друг детства, бывший одноклассник, а ныне старший научный сотрудник института, встретил меня в десять часов вечера прямо у входа, и мы вместе вошли в ярко украшенный зал.

Богато накрытые столы, играющая огоньками ёлка, мягкая ненавязчивая музыка и вполне себе семейная обстановка. Все почти друг друга знали, поэтому общались запросто, без присущих заведениям такого типа церемоний. Профессор Головня поздравил всех с праздником, а потом понеслось шумное застолье с песнями, здравицами и танцами до упаду. А поесть было что. Уж чего-чего, а с яствами и деликатесами разных эпох и кухонь у них всё в порядке.

Ближе к часу ночи танцевать и есть как-то все устали и разбились на группки по интересам. Я откинулся на спинку стула и наслаждался звуками джаза, который с лёгкой руки работников института времени начал набирать популярность. А что, хорошая музыка, она и в двадцатом и в двадцать третьем веке хорошая. Взрыв смеха вывел меня из состояния релакса. Я поискал глазами Витьку и увидел, что он

прибился к небольшой компании, собравшейся вокруг сухонького старичка, достаточно живого и активного для своего возраста. Подошёл и я.

– Это Сергеич, – пояснил друг. – Один из старейших работников института. Практически, стоял у истоков его создания. Присоединяйся. Тут интересно.

Ну, Сергеич, так Сергеич. Мне как-то всё равно. Ожидая скучные и заумные разговоры, я присел на стул и стал слушать, о чём разговаривают учёные. К моему удивлению, ни каких умных разговоров не велось. Напротив, Сергеич травил байки. А собравшиеся вокруг с интересом их слушал. Послушал и я.

Невероятные приключения барона Генриха фон Ламарка, благородного рыцаря и верного влюблённого в прекрасную Агнесс

Конь остановился и потянулся к клочку сочно зелёной травы. Генрих фон Ламарк покачнулся в седле и проснулся. С удивлением оглянулся, привычно вцепившись в рукоять меча. Тихо и спокойно. Где-то высоко, в кронах деревьев, надрывалась какая-то пичуга, ветер запутался в зарослях кустарника, а по поднимающейся, почти у ног верного Джулмонда, каменной гряде, бесшумно скользнула ящерка. Видимо, задремал, утомлённый суточной непрерывной ездой, ровной дорогой, да мерным покачиванием в седле. Но, что это за место? Как он сюда попал? Лес, не похожий на тот, по которому он ехал, пока не уснул, каменная гряда эта. Неужели где-то здесь и свил своё гнездо Виверн – ужасный и жестокий дракон?

Рыцарь поёжился и опять обхватил ладонью в железной перчатке рукоять своего меча. Ох, как не хочется двигаться дальше! Очень не хочется. Но отступить нельзя. Обет, данный прекрасной Агнессе, обязывает. И кто его за язык тянул? Отсюда, из этого мрачноватого места, все проблемы по-

казались, вдруг, такими незначительными. И, даже, Агнесса, вроде, не такая уж и желанная. Да и без её денег прожить можно. Жил, ведь, раньше как-то.

Угораздило же его родиться последним сыном барона Ламарка. Ни земли, ни замка завалящего, ни денег. Только титул, имя, да конь. Странствующий рыцарь, чтоб его! А тут такая партия. Молодая красивая и богатая вдова. Да ещё и чрезвычайно романтическая особа. А рыцарские баллады готова сутками слушать. Нибелунги и Фафнер, Зигмунд и Зигфрид... Генрих и сам парень хоть куда. Высокий, статный, красивый. Да и мечник отличный. Из рыцарей не последний. Это уж точно. Только не светило ему бы никогда внимание прекрасной богатой вдовушки, если бы не её страсть.

А тут ещё и легенда о том, что на востоке, в глухом дремучем лесу, в пещерах живёт легендарный дракон Виверн, изрыгающий зловонный огонь и пожирающий людей пачками. Вот и шлёт прекрасная Агнесса всех претендентов на её руку и сердце в охоту на него. Кто, говорит, убьёт дракона и привезёт в доказательство его голову и коготь, тому и отдаст она свою руку и сердце. Ну, и замки с полными подвалами золота и серебра в придачу, естественно. Говорят, человек восемь уже ушло в том направлении, да ни один не вернулся. То ли сгнули в лапах сказочного чудища, то ли махнули на всё рукой и уехали от греха подальше. И ему бы махнуть, да нельзя. Фамильная гордость не позволяет.

За сутки до этого довелось остановиться на постоялом

дворе. Толстый кабатчик, ословелый от скуки и отсутствия постояльцев, прихватил кувшин вина и простецки подсел к Генриху за стол. Генрих сдвинул брови, искренне возмущённый тем, что простолюдин посмел навязывать своё общество дворянину, но, рассудив здраво, смирился. В конце концов, обет молчания он не давал, а в этой глуши больше и поговорить не с кем. Хоть просто так, языками почесать, а хоть и что полезное разузнать. Поэтому барон, сменив гнев на милость, придвинул к себе кружку, в которую кабатчик щедро плеснул хмельной напиток, вздохнул и приготовился слушать.

– И что вы, господа хорошие, сюда повадились? – заговорил своим скрипучим голосом хозяин постоялого двора. – Ты, ваша светлость, думаешь, один такой? Раз в месяц, как по расписанию, всё едут и едут. Как будто там, в дали, вам мёдом намазано. И, ведь, ещё никто назад не возвращался.

– А что там, в дали?

– Дык, оно тебе лучше знать. Ты же туда едешь, значит, знаешь зачем. А мы, народ простой, тёмный. Если знаем, что там опасно, ума хватает не соваться и лишнего любопытства не проявлять. Своя шкура дороже. И тебе, ваша светлость, позволь совет дать: не езжай туда.

– И что там опасного может быть? Сарацины? Мавры? Разбойники? Так не боюсь я их.

– Ну, сарацин я там не видел. Мавров тоже. Про разбойников ничего сказать не могу. В те края дальше, чем на

день пути, никто не совался. Вот только шум оттуда сильный идёт временами, огни яркие по небу летают, да иногда дымы странные. Не к добру это.

– А я съезжу, посмотрю.

– Ну, воля твоя, ваша светлость. Коли головы не жалко, езжай.

Говорили долго и обо всём. Вино оказалось хмельным, коварным и развязывало языки не хуже, чем палач в замке барона Унгерна. Когда уезжал с постоялого двора, заметил краем глаза, как кабатчик перекрестил его и потом долго стоял у ворот, провожая рыцаря грустным взглядом. Это село оказалось последним. Дальше всё тянулось и тянулось лес. Остановившись Генрих не рискнул, а, только щадя коня, пустил его шагом. Даже ел, и то, на ходу. Благо, прихватил на постоялом дворе вяленого мяса, да флягу вина. Видать, вино и разморило.

Рыцарь соскочил с верного Джулмонда, прошёлся по каменистому склону немного вверх и внимательно осмотрел окрестности. Похоже, он попал туда, куда надо. Вон, под жиденьким кустом, чудом выросшим на камнях, белеет лошадиный костяк. Большой вытянутый череп жутко скалился из-под пожухлых листьев. А вон там точно выбеленная дождями, человеческая грудная клетка. Генрих пригляделся и увидел на костях следы зубов. Однако, не дракон обглодал какого-то бедолагу. У дракона зубы побольше будут. Или нет? Да кто их знает, драконов этих? Под ногой что-то

хрустнуло и промялось. Барон опустил голову и увидел, что стоит на оплавленной поверхности, лежащей рябью, словно застывший воск. Корочка оказалась тонкой, от того и проломилась под человеческим весом. Сзади, цокая по камням, подошёл конь и положил большую умную голову на плечо.

– Что, Джулмонд, устал? Или страшно? Да мне и самому не по себе. Думаю, нужно немного отдохнуть перед тем, как идти дальше.

Конь фыркнул, словно соглашаясь. Генрих взял его под узцы и повёл назад, туда, где в лесной чаще, пятью минутами раньше, заметил небольшую полянку. Да и деревья там густые, а дракону пространство нужно, чтобы летать. Среди деревьев такими крыльями, как у него, не помашешь. Поэтому в лесной чаще нападения можно не опасаться. Привычно, как это делал много раз в походах, разбил бивак, развёл костерок и присел у огня, погрузившись в мысли. А подумать было о чём. Судя по оплавленной корке, дракон – далеко не сказки. И с чего он решил, что справится с этим чудищем? И с чем? За свою кочевую жизнь не разжился ни оружием нормальным, ни снаряжением надёжным, ни, даже, оруженосцем. Слишком гонористым и гордым всегда был, ни у одного сюзерена долго не задерживался. А те несколько войн, в которых удалось поучаствовать, тоже, кроме убытков, никакой прибыли не принесли.

А дракон, видимо, противник серьёзный. Судя по сказкам и легендам, убить его непросто. И чешуя такая, что ни стре-

лой, ни копьём не пробить, и когти с зубами – не дай Бог. Есть, правда, пара уязвимых мест, если верить менестрелям, поющим баллады. Но в открытую пасть Виверна попробуй, ещё, порази, а основание хвоста он добровольно тоже не подставит. Ладно, на месте разберётся. С помощью пресвятой Богородицы и заступника Иисуса Христа. Тепло от костра и тишина вокруг расслабляли, поэтому барон почувствовал, как его повело, мозги размякли, а глаза начали слипаться. Да и смеркаться стало. Решив отложить встречу с драконом на утро, Генрих прочитал вечернюю молитву, улёгся на одеяло, расстеленное на земле, и заснул.

Утром проснулся ещё до рассвета. Привычно поднялся, перекусил вяленным мясом, запивая родниковой водой. Вина решил не пить. Кто его знает, что ждёт сегодня, так что лучше голову держать в ясности. Махнул несколько раз мечом для зарядки, потом воткнул меч в землю, повесил на рукоять нательный крестик и истово помолился. Ну, всё. Формальности соблюдены, можно и за дело приниматься. Не за тем он сюда приехал, чтобы на полянке прохладиться.

Каменистый склон встретил, как и вчера, лошадиным косяком, черепом и человеческой грудной клеткой. Уже не задерживаясь, тронул коня и поехал дальше. Брошенный щит уныло чернел скукожившейся кожей, чуть дальше на камнях валялся ржавый сломанный меч. Унылое местечко, если не сказать больше. Да и Джулмонд нервничать начал. А он –

конь боевой, привыкший сохранять хладнокровие даже, когда вокруг бой идёт, кровь человеческая рекой льется, и вокруг раздаются крики умирающих воинов и ржание раненных лошадей.

Низкий гул, словно кто-то дует в огромный рог, раздался, казалось, из-под самой земли. Каменистый склон завибрировал, посыпались вниз мелкие камешки, а воздух вокруг вполне ощутимо пошёл волнами. Джулмонд под седлом внезапно сменил масть, став угольно чёрным, шея его удлинилась, на голове внезапно стали расти рога, а испуганное ржание переросло в издевательский сатанинский хохот. Конь повернул голову назад, и Генрих увидел вместо знакомой морды коня кошмарное рыло чёрта. Чёрт весело потряс бородой, хрюкнул, потом опять захохотал, сбросил оторопелого рыцаря с себя и умчался куда-то вниз по склону.

Барон упал на камни, ошеломлённо вскочил на ноги и опять чуть не упал. Вокруг, изо всех щелей полезли, извиваясь, жирные, толщиной с руку, белые черви. Растущий неподалёку чахлый куст, вдруг, ожил и зашевелился и потянул к нему свои сучковатые руки. Волосы под шишаком встали дыбом. Генрих заорал от ужаса и, выхватив меч, рубанул по кусту. Его удалось срубить с первого удара, но положение только ухудшилось. Избавившись от удерживающих его корней, он пополз к барону, всё так же угрожающе размахивая руками.

Так страшно ему не было никогда. Даже, когда он в одиночку отмахивался от шестерых копейщиков, наседавших на него под Брауншвейгом. Сжав меч обеими руками, Генрих отчаянно отбивался от нападающих со всех сторон червей, когда гул под землёй стих и всё исчезло. Только каменистый склон и срубленный чахлый куст, беспомощно валяющийся под ногами. Барон, ещё не веря своим глазам, оглянулся и вытер испарину со лба. И что это было? Наваждение, или действительно, кошмарные твари выползают из-под земли по зову горна? И кто тогда дует в этот огромный горн? Неужели сам Виверн?

Что делать дальше? Коня нет, а с ним пропало и всё вооружение. Плохонькое, правда, но всё же. А сейчас, только меч и мизекордия. Кинжал милосердия. Вот только понадобится он, похоже, не сможет. Вряд ли таким тонким клинком можно будет поразить дракона. Внезапно накатила паника и, чтобы прийти в себя, Генрих нещадно отхлестал себя по щекам. Отпустило, вроде, и появилась злость. Злость на себя, на красавицу Агнесс, на дракона. На весь мир, в конце концов. Барон сжал зубы так, что они заскрипели, и пошёл вперёд.

Скелеты стали попадаться всё чаще, как и оружие. Латы, то рыжели среди камней сплошной ржавчиной, то бликовали на солнце начищенной поверхностью. Заглядевшись на знакомый герб, Генрих споткнулся о чей-то шлем и чуть не пропахал носом каменистую поверхность. Бедный граф Зальма!

И ты здесь отметился. Тоже захотелось взять в жёны богатую вдовушку? Ну, теперь богатство тебе уже не понадобится. А рыцарь хороший был. На турнирах блистал. А теперь голым черепом на камнях блистает.

Впереди сверкнули на солнце серебристые нити. Паутина? Это, что же за паук ткёт такую толстую и прочную паутину? Вон, на неё навалилось тело в рыцарских доспехах. И не рвётся же. Вон ещё один, с почерневшим, словно обугленным лицом. Кто это в такой дорогой экипировке? Ого! Судя по гербу, это герцог Берга! И ему не сиделось в родовом замке. А вот и сам паук. Генрих напрягся и пригнулся, готовясь к бою. Однако паук сидел спокойно, не двигаясь. Огромное туловище прямоугольной формы, высотой с человека, два больших выпученных глаза и шесть лап, расставленных по сторонам.

Выставив меч впереди себя, и двигаясь приставными шагами, барон приблизился к паутине. Паук не двигался. Не сводя глаз с чудища, рыцарь нагнулся и подобрал валяющееся под ногами копьё. Герцогу оно всё равно уже не понадобится. Широко размахнувшись, он метнул снаряд паука. Уж кем-кем, а воином барон фон Ламарк был неплохим. Копьё чётко вошло в небольшой квадратный рот, в котором что-то жужжало и пощёлкивало. Это явно не понравилось чудищу. Во рту что-то вспыхнуло, посыпались искры, изо всех его щелей повалил густой, вонючий, чёрный дым, а окрестности огласил пронзительный звон, который вскоре прекратился.

Из рта вырвались языки пламени, а потом повалила белая густая пена. Похоже, паук сдох.

Осторожно отогнув одну из нитей паутины, барон перелез на другую сторону и приблизился к дохлой твари. В воздухе стоял тошнотворный запах гари, да и сама пена пахла как-то неприятно резко. Не расслабляясь, повернулся вокруг, удерживая впереди себя меч. Мало ли, паучата вдруг пожалуют. Или второй такой же. Но вокруг было тихо. Надо идти дальше. Склон стал круче, а идти – тяжелее. Солнце стало припекать и находиться в латах стало невмоготу. Сталь раскалилась, а поддоспешник пропитался потом. Хоть доспехи сбрасывай и иди налегке. Генрих так бы и сделал, да, кто знает, чего от дракона ожидать? Вон сколько человек загубил! И не простых. Все рыцари, умеющие воевать.

Барон присел на камень и снял шишак. Ветел приятно заиграл со слипшимися от пота волосами. Противное жужжание заставило насторожиться. Генрих вскочил на ноги и взял меч наизготовку. То, что появилось из-за скального выступа, на дракона явно не тянуло. Почти чёрная тварь, раскинувшая неподвижные крылья длиной с руку человека, резко спикировала на барона, плюнув в него огнём. Генрих еле успел отскочить в сторону, мельком поразившись тому, что на месте, куда попал плевок, камни расплавились и превратились в пышащую жаром лужу. Больше времени разглядывать что либо, не было. Тварь взмыла в воздух и опять стала

пикировать на него. Опять пришлось уворачиваться от плевка.

Рыцарь бросился вниз по склону, слыша за спиной приближающееся жужжание, и рефлекторно прыгнул вправо. Над плечом пролетел огненный плевок, обдав жаром щеку. Очередной скальный выступ подвернулся, как нельзя, кстати, и Генрих нырнул за камень, ощутив, как нагрелся он от следующего плевка, и сжался в комок, занеся над головой меч. Тварь вынырнула следом, буквально через секунду, и барон с торжествующим криком рубанул по ней клинком. Яркая вспышка света ослепила, а по рукам, словно что-то ударило так, что отдалось в локтях, и меч выпал из онемевших рук.

Достав непослушными руками мизекордию из ножен, рыцарь выставил её перед собой, дожидаясь, когда прекратят плясать пятна перед глазами. К рукам постепенно вернулась чувствительность, и он стал левой рукой растирать глаза. Под веки, словно, кто-то насыпал песка. Жгло немилосердно. Мимоходом подумалось, что вот сейчас им можно неплохо закусить. Генрих снял с пояса флягу и прямо из горлышка плеснул на лицо. Жжение стало меньше. Сунув мизекордию в ножны, он стал уже более тщательно промывать глаза и, наконец, стал видеть. Мысленно восславив Деву Марию, барон подобрал меч и, осторожно высунулся из-за скального выступа. Никого не было. Под ногами противно захрустели внезапно окаменевшие останки твари. Или они изначально

такими были? Воистину, непостижимы дела Твои, Господи!

Убедившись, что опасности пока нет, Генрих снова стал подниматься по склону. Вот уже и гребень. А где же пещера, в которой живёт Виверн? Что-то пещерой тут и не пахнет. Неужели не туда попал? Но, ведь были же останки его предшественников, звук адского горна, словно из самой преисподней, паук, тварь эта летающая, наконец. Кто они, если не слуги ужасного дракона? Барон присел на весьма удобный валун и подставил разгорячённое лицо прохладному ветерку. Приятно. С такой высоты местность казалось необычайно красивой. Гряда высоких гор вдаль, подёрнутая голубой дымкой, бездонное синее, как бывает только в горах небо с редкими неподвижными кудрявыми облачками и, стиснутая со всех сторон горами долина с изумрудной травой. А на траве он. Нет, не так. ОН!

На изумрудно зелёном ковре распластал свои крылья сам Виверн. Это мог быть только он. Больше никому. По своему красивый, хищный и опасный даже в своей каменной неподвижности, он завораживал. И, что удивительно, вокруг него сновали люди. Расстояние было большим и деталей было не рассмотреть. Но то, что это были люди, Генрих был уверен. Наверное, рабы. Те, кого дракон похитил, но не сожрал, а заставил работать на себя. Ну да! Вон и строения на краю долины. Должны же рабы где-то жить. Вот, только огородики небольшие. Столько людей вряд ли прокормишь.

Барон перевёл взгляд на Виверна. Когда ещё можно так

спокойно рассмотреть легендарное чудище. Удивительно, но никакой чешуи у него не было. Сплошная кожа, даже отсюда напоминающая металл, огромные крылья, раздвоенный хвост с вертикальными плавниками и маленькие глазки, сплошной лентой тянущиеся через весь лоб от правого виска к левому. Тем более надо спускаться. Мало того, что он убьёт (если убьёт) дракона во славу прекрасной женщины, да ещё и освободит людей, страдающих в рабстве. Да об этом подвиге менестрели баллады будут веками петь! Вот это подвиг, так подвиг. Только как победить это чудище? По крайней мере, отсюда уязвимых мест у него нет. Генрих вздохнул, и стал спускаться вниз.

Туман появился незаметно и, по мере движения вниз, поднимался всё выше. Генрих мог поклясться чем угодно, что минуту назад на него не было и намёка. Резкий порыв ветра вторгся в туман, словно волк в стадо овец. Молочно белые струи, закручиваясь, взметнулись вверх, хлестнули по груди рыцаря, бросились в лицо, ослепляя и затрудняя дыхание. В глазах всё закрутилось, а в голове мысли поплыли тягучей патокой, постепенно замедляясь. И, наконец, барона накрыла темнота.

База напоминала разворошённый муравейник. Нортон шёл по коридору, лавируя между мечущимися сотрудниками. Из диспетчерской раздавались возбуждённые голоса, то и дело срабатывала сигнализация, беспрестанно пилика-

ли телефоны и светились мониторы систем наблюдения. Он толкнул двери конференц-зала и вошёл внутрь. Все уже были в сборе и, судя по раскрасневшимся лицам, только что бурно спорили. Нортон прошёл к креслу председателя во главе длинного овального стола и уселся, сложив перед собой руки.

– Александр Евгеньевич! – обратился он к начальнику службы внешней безопасности Коростылёву. – Изложите, наконец, полную картину! Как так вышло, что этот рыцабрь подошёл к базе так близко? У вас что, сигналка не работает?

– Работает, господин председатель. Сразу, как только система определила вторжение, включилось инфразвуковое облучение. На три минуты, как и запрограммировано. Обычно большей части незванных гостей этого хватает за глаза. Различные видения, галлюцинации, чувство беспричинного страха и паники. Бегут, обычно, так, что, иной раз по склону спотыкаются и руки и ноги ломают. Ну, или, шею. Иной раз и инфаркт обширный хватают. А этот крепкий орешек оказался. Коня портерял, все три минуты мечом от галлюцинаций отмахивался, но не убежал.

– Допустим. А как он охранный периметр преодолел? Там же напряжение в две с половиной тысячи вольт!

– А это уже у технарей спросить надо, почему они в силовом трансформаторе технологический лючок не закрыли. Он копьё аккуратно туда запулил. В итоге замыкание, пожар...

– Я разберусь со своими монёрами, – поднялся началь-

ник технического отдела Арвидас Саулис. – Но, кто знал, что прямо туда своё копьё закинет? Хорошо, что вовремя система автоматического пожаротушения сработала. А то бы всё там до тла выгорело. Я уже дал команду после ремонта новую пену в систему закачать.

– А я давно говорил, – выкрикнул Коростылёв, – что нужно снять трансформатор с опор и установить прямо на земле. А то он сильно местным жителям шестилапое чудовище напоминает. Каждый, кто к охранному периметру прорывается, считает своим долгом его из лука или арбалета обстрелять. Не кинул бы в него копьё этот «железный человек», так бы, как и все, благополучно на контактном проводе спёкся.

– Да не могу я с опор его снять. Тут без опор никак! По техническим условиям он должен стоять именно на опорах.

– Так замаскируйте, тогда, их.

– Как?

– Прекратите! – остановил перепалку Нортон. – Этот вопрос решим в индивидуальном порядке. Скажите мне, а что с дроном случилось?

– А это вообще из разряда ненаучной фантастики! – Коростылёв вытер внезапно вспотевшую шею. – Вёрткий рыцарь попался.

– В смысле? Вы хотите сказать, что он сумел увернуться от зарядов плазмы?

– Именно! А потом вообще умудрился уничтожить дрон

ударом меча!

– Действительно фантастика. Так чем дело закончилось? Или не закончилось?

– В принципе, закончилось.

– Что-то я не слышу уверенности в вашем голосе.

– Нам пришлось усыпить его при помощи газа, – проговорил начальник внутренней безопасности Игнатенко. – Деваться было некуда. Он уже практически находился на территории базы. А на ней, как вы знаете, применение летальных средств запрещено. Сейчас он сидит в изоляторе, а мы не знаем, что с ним делать.

– Да грохнуть его и все дела! – выкрикнул Саулис. – Таковую аппаратуру угробил! Да и дронов лишних нет у меня, чтобы каждый их сбивал своими железками.

– А вы сами сможете вот так взять и аннигилировать живого человека? – ехидно поинтересовался командир роты охраны, полковник Синельников.

– А почему я? Вот ваши солдаты пусть его и распылят из своих излучателей!

– Грех такого человека жизни лишать! – убеждённо заявил Половцев, главный аналитик базы. – Прошёл практически на территорию, выжил там, где остальные гибли. А мы его к ногтю.

– И что вы предлагаете? – поинтересовался Нортон.

– Подкорректировать ему для начала память.

– В какую сторону?

– Сергей Дмитриевич, – обратился Половцев к Игнатенко. – Ваши люди допросили этого рыцаря?

– Да.

– Удалось узнать, зачем он пришёл сюда? Вообще, что они все пруться сюда, как мухи на мёд?

– Так мы сами в своё время распространили слухи, что здесь живёт великий и ужасный дракон Виверн.

– И что? И, кстати, что за дурацкое имя?

– Пришлось покопаться в их мифологии, – пояснил со своего места профессор Мак Диллан, научный руководитель. – Виверн – дракон из средневековых европейских легенд (в основном стран Скандинавии, Германии, Англии и Франции). Это одно из самых жестоких существ, со зловонным и сжигающим дотла всё вокруг огненным дыханием, с ужасными клыками. Змееподобным чешуйчатым хвостом с шипами он уничтожает целые деревни и душил жертвы в кольцах своего хвоста. Несмотря на свои внушительные размеры, он легко маневрирует в воздухе, поэтому почти недосыгаем для стрел. При нападении с воздуха он изрыгает пламя и убивает одним движением своих кожистых крыльев, каждое из которых подобно парусу корабля. По идее, одно только это имя должно надёжно удерживать всех на расстоянии.

– А что же не удерживает?

– Кто же знал, что местных рыцарей хлебом не корми, дай только им сразиться с мифологическим чудищем?

– Вы должны были знать! Ведь это вы, дорогой Джон, самый лучший эксперт по этой эпохе.

– Не всё так просто, – опять заговорил Игнатенко. – Тут одна богатая вдовушка объявилась. И, судя по всему, красивая. Сильно увлечена рыцарской романтикой. Вот и шлёт она всех претендентов на руку и сердце за головой и когтем дракона.

– Час от часу не легче! И что теперь делать?

– Стереть память о том, как он увидел нашу базу, а вместо этого подселить ложную память о страшном бое с драконом и победе над ним, – предложил Половцев. – Парочку ожогов и рваных ран от когтей чудища мы ему обеспечим под наркозом.

– А голова с когтем?

– Что, наши биологи на биопринтере какую-нибудь голову не распечатают поужаснее? И коготь тоже. Покрупнее и пострашнее. Можно ему ещё несколько бриллиантов искусственных дать. Тоже минутное дело вырастить. А ему к свадьбе приданное, так сказать.

– С чего бы такая забота?

– Люблю везунчиков. Как он нас всех умыл!

– Согласен. Так и сделаем.

– Подождите, – возмутился Коростылёв. – Как только узнают, что дракона убили, сюда же только ленивый не припрётся посмотреть на его жилище, да его сокровища поискать.

– Какие сокровища? – не понял Игнатенко.

– Известно, что драконы охраняют сокровища, – пояснил менторским тоном Мак Дилан. – Горы золота, там, самоцветы.

– Ну, тогда точно толпами попрут.

– Мне вас, что, учить, что ли? – вспылил Нортон. – Распустите другой слух. Например, что после того, как рыцарь убил дракона, на этом месте разверзлась геенна огненная, и открылся вход в чистилище. Увеличьте время облучения инфразвуком до шести минут. Поставьте дублирующий трансформатор на охранный периметр. Дымы устройте, чертей каких-нибудь.

Генрих открыл глаза. В глаза бил солнечный свет, а над головой склонился верный Джулмонд. Барон вскинулся и тут же застонал от режущей боли в боку. Лицо саднило, как и левую руку. Тут же вспомнилось, как ужасный дракон с кошмарной рогатой головой изрыгнул в него облаком пламени. Каким чудом удалось увернуться! Ушёл влево, потом выскокчил и рубанул по его передней лапе. А в ответ страшный удар когтями по боку. Генрих глянул вниз и увидел раскуроченный на боку доспех и повязка пропитанная кровью. Да уж. Бой был действительно страшный. Большая его часть оказалась смазанной в памяти. Но, это не удивительно. Такое всегда бывает.

Дракон вертелся, словно уж на сковородке, постоянно на-

падая. Одно то, как он взлетел вверх и камнем упал на землю, стремясь раздавить Генриха своим немаленьким весом, затавляя вздрогнуть всем телом. Насилу тогда успел отскочить в сторону. И опять струя пламени прошла почти в притику. Гигантские челюсти клацали почти у самой головы. Длинный гребенчатый хвост несколько раз сбивал с ног, а меч высекал из шкуры огромной рептилии только искры. Барон покосился на своё оружие. Клинок был испорчен. Оружейнику потребуется много сил, чтобы привести его в порядок.

Казалось, что противник неуязвим, но в последний момент Генриху удалось поднырнуть между его лап и вонзить остриё прямо в его мягкое подбрюшье. Рыцарь успел отскочить в самый последний момент, когда дракон, трубно крича, стал заваливаться на бок, забив в предсмертной агонии своими огромными перепончатыми крыльями. Одно крыло задело барона, и тот покатился по камням, отброшенный страшной силой. Думал, что костей не соберёт. Но, ничего. Поднялся. Виверн ещё раз взмахнул хвостом и сдох. То, как отрубал голову и коготь, накрепко впечаталось в памяти. А потом шёл по склону вниз, еле удерживая ускользящее сознание. Вот тут он окончательно обессилел и рухнул.

Испугавшись, что всё это ему привиделось, он подскочил и бросился к объёмистому окровавленному мешку, лежащему рядом. Нет. Не показалось. Из мешка уставилась мёртвым взглядом рогатая голова. А ещё и несколько крупных

бриллиантов, найденных в сердце Виверна. Не соврали менастрели, когда говорили, что в сердце дракона всегда есть бриллианты. Поистине королевский трофей! Генрих пощупал кошель, висящий на поясе, и удовлетворённо улыбнулся. Не нищим бродягой он будет, когда пойдёт с прекрасной Агнесс под венец. Да за один такой камень можно хороший замок купить!

Выходит, что он лучший! Сколько человек до него шли этим путём, но никому не удалось даже близко подобраться к дракону! А он смог. Правда, дорога была действительно непростой. Один звук горна чего стоил. Вспомнив о горне, он подскочил и внимательно посмотрел на Джулмонда. Вроде, ничего необычного. Цвет гнедой. Морда обычная. Ни бороды, ни рогов нет. И на чёрта не похож. И что это было? Наваждение? Или его конь действительно оборотень? Сатана в лошадиной шкуре? Да нет. Бред какой-то. Верный Джулмонд никогда не подводил. Выходит, наваждение.

Всё ещё опасаясь, барон подошёл к коню и положил руку на холку. Верный боевой друг повернул голову, посмотрел на рыцаря и хлопнул большими ресницами, как бы осуждая за то, что в нём усомнились. Генрих приторочил к седлу мешок и одним движением взлетел в седло. Всё. Теперь к Агнесс. Барон тронул коня и поехал, предвкушая своё триумфальное возвращение.

Кабатчик был несказанно удивлён, увидев на пороге своего постоянного двора барона. Живого и невредимого. Ну,

почти невредимого. Ничего не спрашивая, он захлопотал, быстро распорядился накрыть стол и приготовить бочку горячей воды. Генрих со стоном опустился в купель. Рваная рана на боку доставляла неудобство, но помыться всё-таки удалось. Сразу стало легче. Кабатчик смазал раны и ожоги целебной мазью на основе жира медведя и куриного помёта, перевязал чистыми тряпицами и, придерживая за локоть, проводил к столу.

Только сейчас Генрих почувствовал, как проголодался и устал. Жареная курица кончилась довольно быстро. Барон подтянул к себе кружку с вином и с наслаждением сделал глоток.

– Ну? – наконец подал голос кабатчик.

– Что ну?

– Что там было?

– А вон в тот мешок загляни.

Хозяин постоялого двора поднялся и, переваливаясь на коротеньких ножках, подбежал к поклаже, развязал горловину, заглянул внутрь и, побледнев, отшатнулся. – Это...

– Да-да, – довольно произнёс рыцарь, довольно откинувшись на лавке. – Он самый. Легендарный Виверн.

– Но, ваша светлость, как ты смог с ним справиться?

– Вот этим вы, простолюдины, от нас, дворян и отличаетесь. Пока вы, поджав хвост, бежите от любой опасности, мы, рыцари, вступаем в бой. И, как видишь, побеждаем.

Кабатчик покачал головой, сел напротив и одним глот-

ком осушил свою кружку. Генрих тоже хлебнул из своей и поставил опять под кувшин. Хозяин долил ещё. Вино было неплохое и пилось легко. Барон и сам не заметил, как набрался. С помощью кабатчика он поднялся в свою комнату, рухнул на кровать и сразу уснул.

Утром барон проснулся с тяжёлой больной головой. Ясно было, что вчера было выпито слишком много. Еле разлепив глаза, он поднялся и сразу застонал от боли в голове. Да ещё ожоги и раны ныли так, что хотелось заскрипеть зубами. Пошатываясь, он спустился вниз, где уже был накрыт стол, и, глядя на запеченного поросёнка, еле сдержал подкатившую к горлу тошноту. Свежий, словно огурчик, кабатчик уже разливал по кружкам вино.

– Эх, ваша светлость, не умеешь ты пить. Вам, дворянам, в этом искусстве не дано с нами сравняться.

– Не скажи, – обиделся Генрих, вспомнив, как лилось рекой спиртное на рыцарских пирах во времена шумных застолий. – Сколько мы выпиваем, тебе и не снилось.

– А что же ты сейчас такой зелёный?

– Раны достали.

– Давай я тебя перевяжу. Может, ещё пару денёчков отлежишься?

– Нет. Меня невеста ждёт.

– О-о! Невеста это хорошо! А что же это ты, ваша светлость, при невесте в такое рискованное путешествие пустил-

ся? Я бы от своей жены никуда.

– Не твоего ума дело. Разболтался здесь!

– Покорнейше прошу извинить. В следующий раз буду следить за своим языком.

Генрих посмотрел на плутоватого кабатчика. Хитрый, bestия, и не придерёшься.

– Вот и хорошо. А сейчас сделай мне перевязку и прикажи мне в дорогу собрать. Я выезжаю. Кушать не буду.

После перевязки, барон взобрался на своего верного Джулмонда и, махнув на прощание хозяину постоялого двора, пустился в путь. А через двое суток уже въезжал в ворота замка. Красавица Агнесс вышла на балкон и свысока глянула на рыцаря.

– Вы, барон, всё ещё претендуете на мою руку и сердце?

– Да, моя госпожа, – соскочив с коня, встал на колено Генрих.

– Но вы знаете моё условие. Я же говорила вам, что выйду замуж только за героя, за того, о чьих подвигах менестрели будут слагать баллады. А я их буду с удовольствием слушать.

Не говоря ни слова, рыцарь поднялся, отстегнул от седла мешок и вывалил из него прямо на брусчатку его содержимое. Надменное красивое лицо Агнесс вытянулось от удивления, а по толпе зевак, собравшихся на такое интересное представление, пронёсся вздох удивления.

– Что это? – побледнев, спросила красавица.

– Голова дракона Виверна. А вот и его коготь. Всё так, как

вы и приказали, моя госпожа.

– Подойди, проверь, – приказала вдовушка начальнику замковой стражи.

Коренастый, закованный в латы, мужик с рыжей бородой, торчащей веером, быстро спустился вниз и подбежал к трофею. Внимательно осмотрев голову и потыкав в неё для верности кинжалом, он выпрямился и утвердительно кивнул головой.

– Я согласна выйти за вас замуж, барон фон Ламарк! – торжественно провозгласила Агнесс. – Свадьба будет через неделю. А сегодня вечером я устраиваю торжественный приём в вашу честь. На этом приёме будут менестрели, и мы все с нетерпением будем ждать рассказа о вашем подвиге. Кстати, вы ранены?

– Немного.

– Лекарь!

– Слушаю вас, – поклонился красавице сухонький старичок с бородкой.

– Займись бароном. И, чтобы вечером на приёме он чувствовал себя хорошо.

– Слушаю, госпожа, – поклонился лекарь и засеменял к барону.

Лекарь действительно творил чудеса и к вечеру Генрих чувствовал себя гораздо лучше. Рыцарь помылся и переоделся в более-менее пристойную повседневную одежду, пусть и не богатую, но, хоть чистую и целую. А вечером, на

приёме, все, раскрыв рот, слушали рассказ о приключении барона.

Свадьба была через неделю. В главном зале замка были накрыты длинные столы, за которыми восседали важные гости. Немало было и рыцарей, с завистью смотревших на жениха. Над молодыми на стене висела голова дракона, а ме-нестрели наперебой исполняли баллады о подвиге Генриха фон Ламарка.

Сказка об Иване- царевиче и сером волке

Было это в средневековой Руси. База наша стояла на самом юге, в труднодоступной местности. Однако, суть не в этом. Мы тогда вместе с моим напарником, Игнатъичем, занимались специализацией мелких городов-государств. Ну, там, предпосылки, условия и их влияние на дальнейшее развитие будущего Древнерусского государства. На своём служебном флаере тогда облетали огромные пространства и неделями могли пропадать за пределами базы. Этаким свободный график.

Так и тут. Двигались мы в сторону одного из городов, входящих а аграрный кластер. Придерживались, естественно, дорог. Так удобнее, да и незаметнее, ведь не надо высоко в воздух подниматься. А то вот так над лесом напрямик пролетишь, а в народе уже новая сказка про бабу Ягу на ступе или Змея Горыныча, а тебе в личное дело выговор. В полуметре от земли лететь самое то. А от нежелательных встреч радар уберезёт. Вот подлетаем мы к развилке. Дорога аж в три стороны разветвляется. Я в карту сунулся, сверяю, по какой дороге двигаться, а радар своим нежным женским голоском и выдаёт: «Триста метров сзади. Три верховых человека». Ох, ты же железка безмозглая! Триста метров! Это же

они сейчас уже из-за поворота вынырнут и нас увидят! Не смоешься. Не могла, что ли раньше предупредить? Хотя, наверное, зря ругаю. Лес в этом месте густой, экранирует надёжно. Хорошо ещё так предупредила, пока они за поворотом были.

Ну, деваться некуда. Мягко ложимся днищем на грунт, поднимаем бронешторки и прикидываемся ветошью. То есть придорожным камнем. Народ в те времена неизбалованный, фантазия на всю катушку работает. Много не надо, чтобы наш аппарат за огромный валун принять. Подъехали, спешили, и давай вокруг флаера круги нарезать. И так подойдут, и отсюда заглянут, и потрогают. Только что на зуб не пробовали. А мы в непонятках сидим. Ждём, когда, наконец, отстанут от нас. А они, похоже, и не торопятся никуда. Внешние микрофоны добросовестно их разговор передают.

– Как думаешь, Захар, это тот самый камень? – вдруг произнёс один из них.

– Да что тут думать, Федя? Бел-горюч камень, как он есть! – авторитетно заявил второй, видно самый старший.

Ну, конечно горюч! Как же без этого? Реактор молотит. Его не заглушишь. А теплообменник барахлит. Сколько заявок подавали технарям, а воз и ныне там. Греется, зараза. Корпус чуть ли не горячий. В холодное время ещё ничего. Даже погреться возле него можно. А в жаркие дни рядом лучше не стоять.

– А что не написано ничего на нём? – не унимался пер-

вый. – Бояны сказывали, что на нём письма написаны должны быть.

Нас, как кипятком обдало. Быстро я клавиатуру развернул и настучал на старославянском: «Налево пойдёшь – женату быти, направо пойдёшь – богату быти, прямо пойдёшь – убиту быти». Прямо нам нужно, а зачем нам попутчики? Слова на внешней панели красиво так, огненными буквами по белому высветились. Как засуетились! Прочитали, заспорили.

– Мне уже жениться пора, – пробасил Захар. – А богатство я и так от отца в наследство получу. Вы, как хотите, а я – налево.

– Я – направо, – ответил Фёдор. – От богатства не след отказываться.

– А я? – жалобно проговорил третий, доселе молчавший.

– А ты, Ваня, назад езжай, – посоветовал ему Захар. – Жена слева одна, богатством тоже никто делиться не собирается, а убиту быти, тебе, думаю, не захочется.

И тут угораздило Шевчуку, научному руководителю, на связь выйти. Мужик он, сам по себе нудный и дотошный. Пришлось отчитываться по полной программе, показывать схемы, графики, образцы. То есть доказывать, что мы не оттягиваемся на пленере, а пашем в поте лица. Короче, пока отбились от него, и суть разговора упустили, и чем дело кончилось. Отключились от внутренней связи, переключились на внешнюю, а путников и след простыл. Ну и ладно.

Мы, как-то не особо и расстроились. И так подзадержались порядком. Врубили силовую установку, подъём на полметра над землёй, джойстик вперёд и поехали. Установка приятно заурчала под сиденьями, мы качнулись в креслах, и тут откуда-то снизу раздался крик коня. Вы не поверите, но конь именно закричал. Не заржал, а закричал. Я такого никогда не слышал. А потом сверху раздался крик, и кто-то стал неистово долбить чем-то железным по крыше флаера.

Отец сдал. И сдал сильно. В последнее время и со зрением стало плохо. Толком и не видел ничего. Иван сильно переживал за него, чего не скажешь о его братьях. Уже несколько раз он ловил обрывки их разговоров. Захар и Фёдор делили власть. Отец ещё сидел на троне, а они решали, сколько земель кому отойдёт, кто главнее будет. Главным, конечно, видел себя Захар. Всё-таки, он старший. Да, вот только Федька с этим мириться ну никак не хотел. Внешне он, конечно соглашался. Но Ваня готов голову отдать на отсечение, что он вот так спокойно уступит брату главенство. Уж сильно хитрым от рождения был средний братец. Уже задумал что-то, к бабке не ходи. А Ивана они вообще за соперника не считали. Похоже, в случае смерти отца ему вообще ничего не достанется.

Когда отец позвал всех своих сыновей к себе, братья оживились. Иван шёл сзади и видел, как весело толкались и перемигивались братья, пока шли по гульбищу к дверям в по-

кои.

– Власть передавать будет, – уверенно произнёс Захар.

– Точно, – подтвердил Фёдор. – Давно пора.

Отец ждал их в Престольной палате, сидя на своём, обитом бархатом, троне. Подслеповато щурясь, он попытался рассмотреть сыновей и протянул иссохшую, дрожащую руку.

– Здравствуйте, сыны мои, – продребезжал он. – Собрал я вас по очень важной причине. Стар я стал. Стар и немощен. Трудно мне княжить.

Захар приосанился и по-хозяйски окинул взглядом помещение. Ещё немного, и это всё будет его.

– Так вот, – продолжил князь. – В граде Кижиче правит князь Всеслав. И садовником у него басурманин из дальних стран. Вырастил тот басурманин необычные яблоки. Говорят, большую силу они имеют. От всех болезней лечат, да ещё и омолаживают. Вот, кто из вас принесёт мне их, тот и сядет на трон. А я в новой силе и молодости отдыхать буду. Хватит. Накняжился уже. Всё поняли?

– Всё, – обескуражено ответили вразнобой братья.

– Вот и славно. Тогда езжайте, дети мои.

Сборы были недолгими и, вскоре, все трое выехали за ворота стольного града. Дорога неблизкая, да и направление было приблизительным. Толком, куда доехать и не знал никто. Братья бахвалились своей силой и статью, а на младшего смотрели свысока с явным пренебрежением. И было от чего. Захар был высоким, крепким парнем с кудрявыми пшенич-

ными волосами, красивыми волнами спадающими на плечи, густой кучерявой бородой и собольими чёрными бровями. Крепкие мышцы, ловкие движения. Настоящий витязь. Фёдор, хоть и не мог похвастать высоким ростом, но в плечах был широк необычайно. Да и силой Бог не обидел. Под кобылу залезал и с ней на плечах реку вброд переходил. Вот и сейчас играючи подкидывал в воздух неподъёмную палицу и шутя ловил её, словно игрушку детскую. Богатырь! А Иван на фоне старших явно проигрывал. Вроде и высок, и строен, но тонок в кости. Ни на витязя, ни на богатыря никак не тянет.

– И где искать этот Кижич? – приступил, наконец, к делу Захар.

– А зачем искать его? – удивился Фёдор. – Делать нам нечего, как искать этот град. Да и найдём его, какой дурак нам такие волшебные яблоки отдаст?

– А украсть? – несмело подал голос Иван.

– Вот послал Бог братца дурня! Уж будь уверен, что их охраняют так, что и на сто сажений к ним не подойдёшь.

– Так что же делать? – призадумался Захар.

– А ничего. Покатаемся, людей посмотрим, себя покажем. Сколько отцу жить осталось? Никакие яблоки молодильные ему не помогут. А если и помогут, выздоровеет отец, уступит он трон, как и обещал? Да кто же в своём уме от власти откажется? А так, пока поедем по миру, отец и преставится.

– Ну, ты и хитёр, Федька! – восхитился Захар. – Я бы до

такого не додумался.

– А то!

Ванька смотрел на братьев широко открытыми глазами. Он, конечно, знал, что они далеко не агнцы, но не настолько же! Для Ивана воля отца была священной, и нарушать её он был не намерен. Камень заметили сразу же, как только лесная дорога сделала поворот. Впереди была развилка, разделяющая дорогу на три направления, а прямо на развилке стоял большой грязно-белый валун. Что-то в этом валуне было необычным. Может, слишком обтекаемый? Или форма слишком правильная, какая-то?

То, что это тот самый бел-горюч камень, про который сказывали бояны, первым догадался Захар. Камень был действительно почти горячий. И на гладкой его поверхности огненными буквами вспыхнула интересная надпись. Пойти налево и жениться выбрал Захар. Богатым захотел стать Федот и выбрал правое направление. Братья посоветовали младшему возвращаться назад и разъехались в разные стороны. Иван посмотрел им вслед, вздохнул и решил ехать по третьей дороге. Вот, что-то боязно вот так сразу. Нужно с духом собраться. Да и вечереет уже. Стоит, наверное, здесь переночевать.

Ваня поёжился от вечерней прохлады, огляделся по сторонам и решил устроиться на ночёвку, прямо на камне. А что? Камень тёплый, на нём точно не замёрзнешь. Парень расседлал Савраску, стреножил его, а сам полез наверх. В

узелок в дорогу дядька собрал пирог с зайчатинной, кусок окорока копчёного, каравай хлеба, да зелени всякой с огорода. А во фляге – квасок, что ключница Матрёна готовит. Ядрёный квас, хороший. Иван поудобнее расположился на свёрнутой попоне, развязал узелок и принялся за ужин, когда камень мелко завибрировал, заурчал и приподнялся в воздух. Вихри, возникшие под ним, затащили бедного Савраску и разорвали его на части. Ванька выхватил меч и в ярости замолотил по камню.

– Что там? – вскинулся Игнатъич, вырубая установку.

– Похоже, коня затащило, – испуганно ответил я. – Хана ему. Из под силовых полей нереально живым выбраться.

– Да что он там молотит! – взорвался Игнатъич. – не ровён час, повредит что-нибудь.

– Нужно поговорить с ним.

– Как? Я, лично, к этому психу не выйду. Зарубит ещё.

– Поговорим по громкой связи.

Я включил громкоговоритель и вцепился в микрофон. От волнения голос сел и пришлось откашляться. Представляю, какой звуковой эффект получился из моего кашля, усиленного динамиками. Псих кубарем слетел с крыши и встал перед флаером, выставив перед собой меч.

– Перестань размахивать железкой, – попросил его я.

– Ты убил моего коня!

– Разве ты не знаешь, что возле бел-горюч камня нельзя

долго находиться? Сам виноват.

– Ты убил моего коня! – опять проорал псих и ещё раз взмахнул мечом.

– Ладно, успокойся. Садись вон там, на пенёк и рассказывай. Подумаем вместе.

Паренёк присел и, прихлёбывая что-то из кожаной фляги, принялся рассказывать. И про отца, и про братьев, и про их недостойное поведение, и про яблоки молодильные. Временами его голос начинал дрожать, временами звенеть от негодования, а пару раз он, даже, явственно всхлипнул.

– Да уж, – произнёс я, выслушав этот длинный монолог. – Ну и семейка у тебя! Тут врагов не надо при таких-то родственничках. Так, ты, выходит, Иван царевич?

– Княжич.

– Невелика разница. Слушай, Ваня, ты всерьёз думаешь, что молодильные яблоки существуют?

– Да.

– Сказки это. Были бы такие – мы бы знали.

– Кто это вы?

– Ну, эти... – попытался я выкрутиться. – Камни бел-горючие. Мы по всему свету друг с другом связь держим и знаниями обмениваемся. Что один знает, то и другие.

– Нам о них отец сказал. А я ему верю. Мне их добыть надо, во что бы то ни стало. Ты сможешь мне? Учти, ты мне должен за коня.

Вот даёт! Молоко ещё на губах не обсохло, а он уже шан-

тажом пытается заработать. Ещё немного, и он, глядишь, и компенсацию за моральный ущерб потребует!

– Ладно, шантажист, посиди, отдохни пока, а я думать буду.

Я отключил микрофон и повернулся к Игнатъичу.

– Что делать будем, напарник?

– Не знаю. Может, пошлём, куда подальше?

– Да неудобно, как-то. И коня его мы действительно угробили.

– Ну, вообще-то на чудесные сады в Кижиче я бы посмотрел. Что там за яблоки такие волшебные?

– Вот и посмотрим, заодно.

– А как ты собираешься его туда везти? На крыше, или в кабинупустишь?

– А катер?

– Ты ему катер дашь?

– А почему бы и нет?

– Ну, не знаю.

Напарник заколебался, но меня уже ничего не могло остановить. Уж такая у меня авантюрная натура. А то, что авантюра тут закручивается неплохая, я носом чувствовал. Нажатие кнопки, и из недр багажного отсека выплыл и застыл, качаясь в воздухе, аппарат.

– Эй, Иван – царевич! Принимай замену своему коню. Извини, не насовсем. Потом вернёшь.

– Что это? – ошарашено спросил Ваня.

– Я, – проговорил искусственный интеллект катера, – патрульный скутер, серия «Волк», то есть высокооборотный лёгкий катер.

– Не понял. Серый Волк, что ли?

– Можно и так, – проговорил я, прикручивая болтливость искусственного интеллекта катера.

Уж слишком болтливым он бывает. А нам лишнюю информацию раскрывать не стоит. И так контакт первого уровня незапланированный состоялся. Вляпались, дальше некуда. Но, так только интереснее. Осталось упростить настройки искусственного интеллекта и можно контролировать этого царевича на расстоянии.

Иван сидел и смотрел на молчащий камень с надеждой. В принципе, и надеяться больше было не на что. Братья уехали, конь погиб. Далеко пешком не уйдёшь, а коня в этой глуши не достанешь. Вдруг, в камне что-то щёлкнуло и из его недр выплыло что-то серое, вытянутое, силуэтом похожее больше на кошку, застывшую в прыжке. Это что-то зависло, не касаясь земли, и плавно закачалось.

– Эй, Иван – царевич! – донеслось от камня. – Принимай замену своему коню. Извини, не насовсем. Потом вернёшь.

Серый волк Ване понравился. Правда, на волка он совсем не походил, но представился именно так. Особенно княжич пришёл в восторг, когда залез на него сверху, уселся в мягкое седло, вцепившись в торчащие в стороны рога, обтянутые

мягкой кожей.

– Куда направляемся? – спросил Серый волк.

– В Кижич. Ты знаешь, где это?

– Маршрут построен. Можно выезжать.

– Ну, тогда поехали?

– Держись крепче.

Иван еле успел покрепче вцепиться в рога, как Волк рванул вперёд и полетел по дороге с необычайной скоростью. Только ветер в ушах засвистел. Ваня с такой скоростью и не ездил никогда. Даже и не думал, что так можно передвигаться. Всё вокруг слилось в бесконечную ленту, на виражах сильно наклоняло то вправо, то влево, а два вспыхнувших глаза Волка светили далеко вперёд.

– Эй, Серый!

– Что?

– Мы скоро в Кижиче будем?

– Завтра днём.

– Нам всё равно надо быть там только ближе к вечеру, – вспомнил Иван слова Федота о том, что никто просто так яблоки не отдаст. – Давай переночуем где-либо.

– Задачу понял. Ищу место для ночлега.

Скорость упала и, вскоре, Волк выехал на небольшую поляну, где под раkitовым кустом весело журчал ручей. Княжич углубился в лес, набрал валежника для костра и вышел на поляну. От увиденного у него отвисла челюсть и чуть не выпал из рук валежник. Посреди поляны стоял шатёр.

– Что это? – непослушными губами прошептал парень.

– Палатка походная. Ты же переночевать хотел.

– Хотел, конечно. Но откуда шатёр?

– Это палатка походная, – терпеливо проговорил Волк. –

Входит в мой комплект выживания. Оборудована обогревателем, системой кондиционирования воздуха, охранным периметром с датчиками движения и минипечкой для разогрева пищи.

– Печкой? Значит я правильно хворост набрал.

– Органическое топливо не нужно.

Иван не знал, что такое органическое топливо, но понял, что хворост не понадобится. Он отбросил ветки в сторону и шагнул внутрь. Ну, прямо, царский шатёр! Просторное помещение, небольшой столик, табуреточка, мягкая лежанка у одной из стен и плоская дощечка, лежащая на небольшом возвышении.

– С плиткой разобрался? – поинтересовался из-за полога Волк.

– С какой плиткой?

– Плоская дощечка на возвышении, видишь?

– Вижу.

– Это печка.

– А куда дрова кидать?

– Ничего не надо. Поставь котелок на неё и произнеси вслух, что хочешь приготовить. Она сама задаст нужную температуру.

Ещё не веря Волку, Иван громко произнёс «Похлёбка», немного подождал, а потом положил руку на гладкую поверхность. И тут же с громким воплем подпрыгнул на месте, тряся обожжённой рукой. Не обманул Серый. Не торопясь, княжич приготовил похлёбку, поел и улёгся на странной лежанке, которая тут же свернулась коконом, надёжно укрыв парня. Ваня испугался и дёрнулся, намереваясь встать, и кокон тут же распустился. Парень опять улёгся, и опять оказался завернут в тёплую ткань. Удобно. Настолько удобно, что сразу глаза стали слипаться, и он погрузился в крепкий сон.

Утром Иван проснулся отдохнувшим и крепко выспавшимся. В ветвях устроили свой утренний концерт пичуги, утренняя прохлада приятно бодрила тело, а будущее представлялось вполне себе в радужных тонах. Помахав для разминки мечом, княжич спустился к ручью, умылся и вернулся назад. Шатра уже не было. Серый волк всё так же покачивался в паре вершков над землёй, ожидая седока.

– Ну, что, поехали?

– Давай, – согласился Иван. – Только не так быстро. От такой скорости голова кружится.

– Так я могу ещё быстрее.

– Не надо.

– Ну, как скажешь.

И снова лесная дорога, мелькающие мимо деревья и прыскающие прочь от дороги звери и птицы. Иван, понимая, что

ничего от него пока не зависит, погрузился в мысли. Опять вспомнились братья, уехавшие неизвестно куда. Что там с ними? Не раскаялись ли в своём решении? И как бы они удивились, узнав, какой помощник у него появился. А вообще, кому расскажи, не поверят. Сказки какие-то. Бел-горюч камень, Серый волк... Хотя, сами молодильные яблочки тоже из разряда сказок. Что-то из области живой и мёртвой воды. Но, ведь, сказки берутся откуда-то. Их не просто так люди сочиняют и рассказывают. Значит, было что-то такое.

– Впереди деревня, – проговорил Волк.

– И что?

– Я считаю, что на мне тебе людям не стоит показываться.

– Почему? Ах, да! Точно. Ещё и за колдуна примут. Прилетел, неизвестно на чём. Объезжаем деревню осторожно.

Дальше пошла населённая местность, поэтому оставшуюся дорогу до города двигались очень аккуратно. К Кижичу выехали уже с последними лучами солнца, остановились на опушке и оттуда стали рассматривать стольный град. В принципе, ничего особенного. Размерами не больше родного города княжича. Бревенчатая ограда, окованные железом ворота, башенки по углам и над въездом в город, в общем, всё, как всегда. Ворота, как раз закрывались на ночь.

– И как мы теперь попадём туда?

– Ты пойдёшь в город пешком, а я подожду тебя здесь.

– На ночь ворота закрываются и до утра в город не пускают никого.

– Ну, ты же сам хотел прибыть сюда к темноте.

– Я как-то об этом не подумал. И что теперь делать?

– Дождёшься утра и придёшь к местному князю.

– Вряд ли он отдаст свои яблоки.

– Тогда на что ты надеешься?

– Я от того и хотел в город ночью попасть. В темноте легче забраться в сад и украсть.

– Насколько я знаю, в вашем обществе красть это плохо.

– Плохо. Но добровольно он мне их не даст. А для отца я и на воровство пойду. Только, как туда попасть?

– Сверху. Я перенесу тебя через стену.

– А ты сможешь так высоко подняться?

– И, даже, ещё выше.

– Тогда дождёмся ночи и полетим?

– Как скажешь. Пока, я в полном твоём распоряжении.

Словно тени, они взлетели высоко в воздух и полетели над городом. Внизу проплыл посад, потом городская стена с дремлющими на ней часовыми, потянулись городские застройки с редкими освещёнными лучинами окнами. Квартал мастеров всё ещё не спал. В открытые двери кузнечных мастерских вырывались всполохи горнов, между сараями сновали работники, освещая себе дорогу факелами, а печи гончаров выпускали в небо столбы дыма. Терем Всеслава стоял в центре града, обнесённый высоким тыном. А за теремом раскинулся сад. Вся территория была освещена мас-

ляными светильниками, в свете которых было видно, как по аллеям между деревьями прохаживаются охранники с собаками на поводках.

Сад был прекрасен. Сотни деревьев плодоносили, цвели или просто росли, радуя глаз. Особенно охранялась центральная часть, там, где стояли приземистые раскидистые деревья, в кроне которых проглядывали плоды, похожие на большие бордовые шары.

– Нам туда, – принял решение Иван. – Эти яблоки и должны охраняться лучше других. Вот только как туда добраться?

– Охрана ходит по аллеям. Внутрь она не лезет. Я тебя спущу в самую гущу, а сам буду ждать твоего сигнала.

– Как спустишь?

– Видишь этот трос? – сбоку от рогов выскочила петля, от которой тянулся конец толстой верёвки. – Цепляйся за неё и спускайся вниз. Только смотри, я просканировал объект. Все ветки под сигнализацией, поэтому, плоды срывай осторожно. Как только будешь готов, махни, я сброшу трос и подниму тебя.

– Хорошо, – буркнул Иван и, внутренне содрогнувшись от страха, вцепился в петлю и скользнул вниз.

Висеть в темноте – удовольствие не из приятных. Трос постепенно удлинялся, кроны деревьев становились всё ближе и, наконец, подошвы сапог коснулись земли. А вот и они. Те самые яблоки, которые так нужны отцу. Братья пусть делают, что хотят, но он отцу поможет. Иван протянул руку и

сорвал шероховатый плод, оказавшийся неожиданно увесистым. Потом ещё один и ещё. Взгляд упал на ветку, на которой висело сразу несколько яблок. Красивая гроздь. Почему-то подумалось, что если отец, прозрев, увидит эту гроздь, он точно порадуется. Княжич схватил ветку и потянул её на себя. И тут же на весь сад зазвучали звонки сотен колокольчиков, сразу закричали люди, а на парня сверху упала сеть.

Иван дёрнулся в сторону, но запутался в сетке и упал. Подняться ему уже не дали. Налетевшие охранники навалились на него, грубо скрутили руки за спиной и потащили к ограде. Выводили его из сада не через главные ворота, а через чёрный ход. Сразу же, не церемонясь, подтащили к низенькой двери с тыльной стороны терема, втолкнули внутрь, протащили по каменной лестнице вниз и кинули в темницу. Княжич упал на застеленный соломой пол и в отчаянии ударил кулаками по себе по голове. Попался. И так глупо! Эти яблоки были у него уже в руках. А Серый Волк предупредил насчёт веток. И зачем ему понадобилось эта гроздь? Сейчас, по сути, он лишил отца последней надежды. Братья и палец о палец не ударят, чтобы раздобыть для отца эти плоды.

Иван не знал, сколько просидел в кромешной темноте. Холод от каменных плит пола тянул из тела тепло даже сквозь солому. Да и соломы той не слишком толстый слой был. Так, для красивого словца постелили немного. Все конечности затекли, а зубы выстукивали мелкую дробь. Нако-

нец, железная дверь открылась со страшным скрипом, а свет факелов ослепил глаза до нестерпимой рези. Проморгаться ему не дали. Опять потащили куда-то по лестнице, на смену свету факелов пришёл дневной свет, столь же нестерпимо режущий глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.